

История России: с древнейших времен до 1917 года

**В.А. Исаков,
О.Н. Квасов**

PR террористической борьбы в России на рубеже XIX–XX веков

Статья посвящена PR-политике революционных партий царской России на рубеже XIX–XX веков в сфере террористической борьбы, особенно в годы революции 1905–1907 годов. На основе значительного фактического материала рассматриваются различные варианты действий революционеров в зависимости от конкретных обстоятельств. Выявляется степень реального воздействия PR-акций на общественное мнение.

Ключевые слова: теракт; информационное сопровождение; политическое убийство; пропагандистские цели; революция; эсеры.

Любая террористическая деятельность требует публичного информационного сопровождения теракта. Это было осознано еще народовольцами и продолжалось до событий 1917 года. В последнее время исследователи обратили внимание на это явление. Как отмечает, в частности, В.А. Федорцов, теракт «обладает большим символическим значением, несет в себе послание, которое часто адресовано даже не противнику, а широким слоям населения или мировой общественности. Смысл такого послания, как правило, заключается в информировании о ведущейся борьбе и привлечении на свою сторону целевой аудитории» [20: с. 20]. Иными словами, задача формулировалась в плоскости, схожей с современным пониманием PR. И деятелями революционного движения в целом и терроризма в частности эта сфера осознавалась как предельно значимая. Именно СМИ и партийная печать были способны значительно увеличить общественную значимость политического убийства, расставить определенные акценты, придать ему необходимую «сюжетность». Поэтому ЦК ПСР упрекал местные комитеты: «О целом ряде террористических актов и партизанских выступлений сведения в Организационное Бюро поступают лишь случайно и с сильным опозданием, вследствие

этого они теряют, благодаря отсутствию своевременного освещения и приведения их в связь с боевой тактикой партии с. р., часть своего агитационного значения. Организационное Бюро просит поэтому организации своевременно давать сведения как о своей работе и жизни партии на местах, так и о террористической и партизанской борьбе, в частности» (ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1218. Л. 118–119). Своевременность PR-акции оказывалась, таким образом, едва ли не решающей для значимого пропагандистского эффекта от совершенного теракта. Надо признать, что революционеры были в этом случае последовательны в своих теоретических построениях и практических действиях, верно выделяя главные характеристики информационного сопровождения террористической борьбы и добиваясь максимальной эффективности.

Исходя из пропагандистских и агитационных целей, за годы революционных потрясений был разработан целый комплекс печатного сопровождения терактов, который включал в себя в первую очередь общественный призыв к наказанию или насилию. К примеру, тамбовская прокламация 1905 года прямо указывала: «Вот имена главных врагов народа, главных виновников насилий над забастовавшими рабочими и учащимися: губернатор фон-дер-Лауниц, вице-губернатор Богданович, полицмейстер Старынкевич, жандармские полковники Семенов и Эрнст. Они достойны смерти. С ними пусть погибнут и вожаки черной сотни Кишкин и Луженовский» [5: с. 132]. Из перечисленных лиц Н.Е. Богданович и Г.Н. Луженовский будут смертельно ранены в течение двух месяцев, а В.Ф. Лауниц убит через год, уже будучи столичным градоначальником. При определенных обстоятельствах и росте протестного движения не требовалось и призыва, достаточно было конкретизировать пример жестокости власти.

Общественно обсуждаемым стал случай с известным писателем и публицистом В.Г. Короленко. В печати он описал жестокость усмирения одного из крестьянских выступлений на Украине и прямо указал на ответственность старшего советника полтавского губернского правления Ф.В. Филонова [6]. Несколько дней спустя, 18 января 1906 года, Филонов был убит эсерами, а патриотические организации заклеили писателя как подстрекателя и провокатора (РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л. 3–7) [2; 18: С. 22, 88–125]. Такую же «подстрекательскую» роль выполнил популярный в Сибири автор песен, романсов и собиратель каторжного фольклора В.Н. Хартвельт, рассказавший в печати о жестокостях и злоупотреблениях начальника Тобольской каторжной тюрьмы И.С. Могилева, застреленного в Тобольске 20 апреля 1909 года членом Летучего боевого отряда ПСР Н.Д. Шишмаревым. Помощник начальника Тобольского ГЖУ А.М. Поляков отмечал в своих воспоминаниях: «Ходившие на месте о его жестокостях слухи подтвердились в печати заявлением такого популярного, и, видимо, беспристрастного свидетеля, как Гартевельт. На основании этого заявления, как значилось в выпущенных прокламациях Уральской группы партии эсеров, и по постановлению последних,

Могиланский и был убит, или, как значилось в прокламациях, он был “казнен”» [10: с. 517].

Аналогичная ситуация сложилась с истязателями эсерки Марии Спиридоновой. Получившие благодаря откровенному письму Спиридоновой и многочисленным печатным статьям печальную известность подъесаул П.Ф. Абрамов и помощник пристава Т.С. Жданов были убиты в ходе терактов 3 апреля и 4 мая 1906 года. Общественным мнением эти убийства воспринимались как возмездие и справедливый суд за вопиющую жестокость. Также убийством закончилось «думское натравливание» кадетских депутатов на главного военного прокурора В.П. Павлова [7: с. 82]. Многочисленные критические замечания о деятельности военных судов в парламентских речах часто сводились к критике личности самого Павлова, который был в итоге застрелен террористом 27 декабря 1906 года.

Вторым видом печатного сопровождения являлись публичное партийное заявление о совершенном акте, описание ряда его фактических подробностей и указание, в меру конспиративной целесообразности, террористического подразделения и имени террориста. Для этого заблаговременно готовился текст, в подпольных типографиях заранее набирались гранки партийных прокламаций, чтобы по результатам теракта сразу выступить с печатным заявлением. Народоволец А.В. Тырков отмечал: «После 1 марта Исполнительный комитет выпустил ряд прокламаций к крестьянам, рабочим, обществу. Было организовано целое бюро, располагавшее грудой адресов, по которым оно рассылало эти прокламации во все концы и закоулки России. В самом Петербурге прокламации расклеивались на улицах: в центральных кварталах — с обращением к обществу, в рабочих — к рабочим» [17: с. 276]. Несомненным признаком масштабности акции и значимости ее воздействия на общественное мнение была, как видим, организация «целого бюро». Масштабность, системность и последовательность проявлялись и во многих других случаях, что показывает, насколько глубоко была понята революционерами задача информационного сопровождения своей деятельности. Практически идеальным образцом печатного сопровождения теракта является убийство В.К. Плеве. На смерть министра в 1904 году вышло огромное количество эсеровской литературы. ЦК издал специальный номер «Летучего листка революционной России» и прокламации: «Ко всем рабочим», «15-е июля», «Ко всему русскому крестьянству», «Надгробное слово временщику». «Боевая организация» издала прокламацию «15-е июля 1904 г.» и на французском языке – «Воззвание к гражданам цивилизованного мира». Почти все комитеты и группы издали или свои прокламации, или перепечатали воззвания ЦК и Боевой организации» [16: с. 143]. Кроме того, ЦК ПСР были одновременно или немногим позже изданы: «Событие 15-го июля», «Вячеслав Константинович Фон-Плеве (Обзор двухлетнего царствования)», «Смерть В.К. Фон-Плеве (впечатления и отклики)», «Отзывы иностранной прессы (РГАСПИ. Ф. 673. Д. 438. Л. 1–22).

Объем партийной печатной продукции и текстов, посвященных теракту, в определенной мере иллюстрирует его «революционное» значение. Так, на теракт в отношении генерал-майора П.В. Полковникова (4 ноября 1906 года) вышла информативная, но короткая партийная справка: «Прокламация ПСР. Объявление. 4 ноября 1906 г. казнен в г. Полтаве генерал Полковников за применение им, в бытность временным генерал-губернатором г. Читы, жестоких и репрессивных мер по отношению к деятелям освободительного движения и за пулеметный, без предупреждения из-за угла расстрел солдат Севского полка и артиллеристов в г. Полтаве вблизи арестантских рот 15 июля 1906 г. Товарищ, исполнивший приговор, вне опасности. Летучий отряд Боевой организации» [8: с. 9].

В меру необходимости и в прямой связи с реакцией на теракт, выходили последующие партийные прокламации, объясняющие содеянное. В зависимости от аудитории, общественный акцент теракта в прокламации мог значительно варьироваться, что в современном PR определяется как учет запросов адресной аудитории и что указывает на интенсивность осмысления революционерами теоретических аспектов и быстрой практической реализации выводов. В листовке для крестьянской массы в большей мере обращалось внимание на жестокость и несправедливость власти, для пролетарских слоев — на неотвратимость возмездия, сплоченность революционных рядов и героизм террориста, для интеллигенции и иностранной публики живописалась закономерность террористического насилия при невозможности иных мер политической борьбы. Даже в случае самочинных, без одобрения комитетов, организованных действий, боевики предпочитали оставлять сведения о причинах своих акций, тем самым информируя общественность и как бы перекладывая политическую ответственность на комитет вопреки его воле. Эмоциональные, безграмотно написанные, с незамысловатым текстом записки фиксировали политические причины экспроприаций или убийств. Независимые СМИ, газеты либерального направления иногда также использовались для передачи официальных заявлений: «Московский комитет партии с.-р. обратился в редакцию газеты «Путь» с заявлением, что к ограблению московского купеческого общества взаимного кредита социал-революционная партия никакого отношения не имеет, и что к экспроприации частного и общественного имущества упомянутая партия относится отрицательно» [13]. Имеется в виду ограбление максималистами банка на 875 тысяч рублей 7 марта 1906 года.

Отмежеваться от акции, способной стать причиной черного PR, значило все глубже погружаться в информационные технологии и видеть их нюансы и последствия применения, без чего ведение PR-кампании в частности и в целом информационной войны, контуры которой становились все более осязаемыми, было невозможно.

Газеты могли использоваться революционной оппозицией и в других целях. Так, либеральная газета «Речь» первой опубликовала известное письмо М. Спиридоновой, которое потом перепечатал ряд изданий. В конце 1907 года

в «Русских ведомостях» было помещено такое письмо: «В заседании военно-окружного суда, происходившего в Орле 17-го ноября 1907 года приговорен к смертной казни Краснощек, за убийство жандармского ротмистра Аргамачева в Брянске. Мы, политические заключенные, долго находясь с Краснощekom вместе в тюрьме, как через интимные разговоры с ним, так и другими путями были осведомлены об обстоятельствах этого дела и в настоящем письме констатируем и категорически заверяем факт происшедшей судебной ошибки. Краснощек не только не участвовал в самом убийстве, но ни прямо, ни косвенно не был к нему прикосновенен» [8: с. 68–69]. Письмо было написано в день суда, имело 50 подписей, но, несмотря на это коллективное письмо и личное обращение Е. Краснощека в Государственную думу по поводу несправедливого приговора, он был 5 января 1908 года повешен (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2009. Л. 35. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 4958. Л. 1–8).

В 1906 году с резким ростом экспроприаций и числа жертв революционно-насилия у комитетов возникла необходимость объяснять общественности непричастность революционных партий к наиболее жестоким и вопиющим фактам революционного или псевдореволюционного экстремизма. Текст извещений в таком случае был предельно коротким. Курский комитет ПСР в марте 1907 года сообщал общественности: «В виду циркулирующих по городу слухов о том, что экспроприация на Милентьевской улице совершена ПСР, Курский комитет ПСР заявляет, что означенная экспроприация никакого отношения к ПСР не имеет и лица, ее совершившие, членами ПСР не состоят» (ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 168. Л. 54). Имеется в виду ограбление максималистами в Курске кареты губернского казначейства 10 марта 1907 года. В ходе экспроприации был убит один из счетчиков казначейства, другой ранен, похищено 2,5 тысячи рублей. В ходе преследования было арестовано шесть боевиков. Батумскому комитету РСДРП в период 1906–1908 годов пришлось издать не менее пяти извещений о непричастности к грабегам и с критикой анархистов [22: с. 224]. Подчас такого заявления требовала революционная конъюнктура. Так, ЦК ПСР отрещивался от убийства Г. Гапона. Партийное заявление ПСР было сделано и после взрыва максималистами премьерской дачи на Аптекарском острове 12 августа 1906 года, в ходе которого было огромное число погибших: «1) ни “Боевая Организация” партии, ни какой либо из других ее боевых отрядов никакого отношения к этому делу не имеет, и 2) что способ совершения этого акта (взрыв в квартире в часы приема посетителей) совершенно противоречит тем принципам, которые партия считала и считает для себя морально и политически обязательными» [14: с. 14]. По поводу убийства начальника Петербургской охранки С.Г. Карпова агентом А.А. Петровым 19 декабря 1909 года эсеры выпустили несколько разъясняющих ситуацию печатных изданий [3]. Позже ЦК опубликовал заявление о своей непричастности и к убийству премьера П.А. Столыпина [3].

Данные примеры показывают, что террор, приобретя особое дискурсивное поле, стал важным компонентом общественной жизни России, центральной темой

информационного противостояния. Причем первоначальная семантика, смысловое значение этого феномена имело в большей степени положительные характеристики, за которые партиям, по мере «деформации» и криминализации террора, приходилось бороться. Как ни парадоксально звучит, но именно деятели революционного лагеря в силу потребностей борьбы были лидерами в освоении и даже наработке того, что сегодня определяется как PR-технологии и информационные войны. Отсутствие сдерживающих формальных норм и потребности исходить из закона, оперативность, бесцензурность — все это способствовало высокой продуктивности информационного сопровождения терактов даже в неблагоприятных для революционеров обстоятельствах.

Стараясь оправдаться в глазах общества, комитеты выпускали отдельные объемные прокламации, где вступали в софистские рассуждения о жертвах террора. В народовольческой прокламации по поводу гибели солдат Финляндского полка во время взрыва Зимнего дворца (5 февраля 1880 года) глубокомысленно замечалось: «С глубоким прискорбием смотрим мы на погибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея. Но пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны» [12: с. 223–224]. А севастопольскому комитету ПСР вслед за неудачным покушением на генерала В.С. Неплюева (14 мая 1906 года), во время которого погибло много невинных людей, пришлось выпускать отдельную листовку, где прямо говорилось: «Наше кровавое правительство старается всех убедить, что революционеры опасны не только ему и его верным холопам, но что они угрожают всему обществу, и лицемерно печалится о пострадавших в Севастополе при покушении на Неплюева и на Столыпинской даче. Но в печальном случае 14-го мая повинны охранители Неплюева: они схватили нашего товарища в толпе, сжали ему горло и ударили по рукам, — он, изнемогая в борьбе с околоточными и сыщиками выронил бомбу, и так охранники ценой многих жизней спасли гнусную жизнь Неплюеву. На Столыпинской же даче из массы пострадавших, невинных мирных граждан было три-четыре, остальные же: сыщики, чины охранного отделения и помощники Столыпина из генералов. Но если даже и признать эти два печальные факта, где были лишние жертвы, то ведь их всего-то два, хотя правительство не поскупилось бы, конечно, перечислить больше, если бы можно» (ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 385. Л. 557).

Третьим элементом информационного комплекса была обширная литература, возвеличивающая террористический акт и самопожертвование боевика. Исследователь эсеровской печати М.В. Федоров указывает: «Поскольку непосредственные исполнители теракта почти всегда погибали на месте его проведения или на эшафоте, вокруг их имен создавался ореол жертвенности, высокой чистоты и нравственности» [19: с. 13]. Для этого использовались как приемы, освоенные народовольцами, в виде описаний казни революционеров,

публикаций судебных речей террористов или отдельных эпизодов судебных процессов, так и новые жанры в форме предсмертных писем или писем-завещаний террористов партийным товарищам и родным [11]. Среди таких агитационных материалов наибольшей известностью пользовались, в частности, письмо С. Перовской матери, последние письма И. Каляева, «мученическое» письмо М. Спиридоновой. Некоторые письма из тюрем родным писались с пониманием их возможной дальнейшей публикации. В свою очередь, имея такой материал, комитеты старались его обязательно опубликовать в виде отдельных прокламаций или статей в партийных газетах. При необходимости партийные редакторы рукописные источники подвергали необходимой корректуре, однако старались сохранить, насколько это возможно, полнее первоисточник. Поэтому трудно принять сарказм жандармского полковника А.И. Спиридовича, утверждавшего: «Сколько таких писем и речей казненных революционеров, которых они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинные» [15: с. 132].

Таким образом, аффективное содержание акта имело огромное значение и реализовывалось не только фактом смерти террориста, но и подчеркиванием его человеческого облика — доброго сына или дочери, заботливого отца или матери, нежно любимого или любимой. Целенаправленно конструировался мифологический, «общественный» образ террориста, образ, который во многом определял отношение к революционному террору и формировал общественную поддержку террористов [1]. В целом же это свидетельствовало об активном и постоянном осмыслении способов ведения борьбы и использовании всех возможных средств и путей.

В разгар революции появляются, наряду с многочисленными портретами революционных идеологов, фотокарточки террористов. Комитеты фотографии эти активно и в большом количестве продавали, что было не только популяризацией партийных идей и символов, но и важным партийным доходом (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–5). Нельзя не увидеть очевидной переключки этого явления с гораздо более поздними ситуациями, например, вокруг имени Че Гевары, что доказывает достигнутую еще российскими радикалами высокую продуктивность данного метода. Подрастающие поколения использовали эти фотографии в виде книжных закладок, а в крестьянских избах встречались они и в красных углах, рядом с иконами. Так, участник революционных событий К.В. Островитянов отмечал: «Я помню какое огромное впечатление тогда произвело дело Спиридоновой на нас, учащуюся молодежь. По рукам ходили в большом количестве ее портреты, с них смотрела девушка с пышными темными волосами, расчесанными на прямой пробор, и с упрямым взглядом серых глаз, в которых светились воля и убежденность, доходящая до фанатизма» [9: с. 14, 19].

Четвертым видом печатного сопровождения было отмечание юбилейных дат наиболее известных терактов. Это создавало возможность напомнить о партийных заслугах, в очередной раз активизировать фактор террористического

участия для политических противников, отметить тяжелую каторжную или тюремную участь революционеров. Классическим образцом этого являются ежегодно выходившие в эсеровской печати статьи, посвященные покушению на В.К. Плеве. Резко увеличилось количество этой литературы после жертвенного самоубийства на Зерентуйской каторге в 1910 году убийцы Плеве, террориста Е.С. Сазонова.

Итак, за годы революционных потрясений партийными комитетами были основательно разработаны пропагандистско-агитационные приемы сопровождения террористической деятельности, которые в совокупности представляли собой полноценный информационно-коммуникативный комплекс. Действенность и влияние элементов этого комплекса во многом определили сочувственный характер общественного восприятия революционно-террористических акций начала XX века. Это вело к деформации общественной морали и самих этических ценностей. Агрессия политической борьбы разрушительно влияла на общественные устои, которые и так были поколеблены процессом модернизации. Общество погружалось в состояние перманентного насилия. Борьба продолжалась на всех направлениях, в том числе информационном.

Литература

1. *Баранов А.С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 181–191.
2. *Васильев П.* Митя Кириллов // *Каторга и ссылка.* 1928. № 12 (49). С. 163–168.
3. *Знамя труда.* Центральный орган ПСР. 1911. № 38.
4. *К убийству полковника Карпова* // *Знамя труда.* 1909. № 25. Отдельный оттиск.
5. *Квасов О.Н.* Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. 222 с.
6. *Короленко В.Г.* Открытое письмо статскому советнику Филонову // *Короленко В.Г. Собр. соч.:* в 10 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1955. С. 435–447.
7. *Курлов П.Г.* Гибель императорской России: воспоминания товарища министра внутренних дел. М.: Захаров, 2002. 301 с.
8. *Малиновский И.А.* Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1–2. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества Печатного дела, 1908. 537 с.
9. *Островитянов К.В.* Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М.: Наука, 1967. 315 с.
10. *Поляков А.* Записки жандармского офицера // *Жандармы России /* сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 482–542.
11. *Последние слова казненных* [А.А. Квятковского, А.И. Желябова, И.И. Кибальчича, С.Л. Перовской, Н.Е. Суханова, Н.Н. Мышкина, А.И. Ульянова, Н.Л. Зотова, А.Л. Гаусмана, Л.М. Коган-Бернштейна, С.В. Балмашова, И.П. Каляева]. СПб.: Современник, 1906. 80 с.
12. *Революционное народничество 70-х годов XIX в.* Т. 2: 1876–1882 гг. М.; Л., 1965. 471 с.
13. *Речь* (СПб.). 1906. 31 марта (13 апреля).

14. Солдатская газета. 1906. № 2.
15. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. 205 с.
16. *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. 2-е изд. Пг.: Воен. типография, 1918. 626 с.
17. *Тырков А.В.* К событиям 1 марта 1881 г. // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. Л.: Лениздат, 1989. 415 с.
18. 1905 год на Полтавщине. Полтава, 1925. 125 с.
19. *Федоров М.В.* Эсеровская печать 1900–1928 гг.: учебное пособие. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2005. 104 с.
20. *Федорцов В.А.* Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 22 с.
21. Б. Терроризм — взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. 264 с.
22. *Чулок И.С.* Очерки истории батумской коммунистической организации (1890–1921 гг.). Батуми, 1970. 224 с.

Literatura

1. *Baranov A.S.* Obraz terrorista v russkoj kul'ture koncza XIX – nachala XX veka (S. Nechaev, V. Zasluch, I. Kalyaev, B. Savinkov) // *Obshhestvenny'e nauki i sovremenost'*. 1998. № 2. S. 181–191.
2. *Vasil'ev P. Mitya Kirillov* // *Katorga i ssy'lka*. 1928. № 12 (49). S. 163–168.
3. *Znamya truda*. Central'ny'j organ PSR. 1911. № 38.
4. К убийству полковника Карпова // *Znamya truda*. 1909. № 25. Otdel'nyj ottisk.
5. *Kvasov O.N.* Terroristicheskaya deyatelnost' revolyucionerov Central'nogo Chernozem'ya v nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2000. 222 s.
6. *Korolenko V.G.* Otkry'toe pis'mo statskomu sovetniku Filonovu // *Korolenko V.G.* *Sobr. soch.*: v 10 t. T. 9. M.: Goslitizdat, 1955. S. 435–447.
7. *Kurlov P.G.* Gibel' imperatorskoj Rossii: vospominaniya tovarishha ministra vnutrennix del. M.: Zaxarov, 2002. 301 s.
8. *Malinovskij I.A.* Krovavaya mest' i smertny'e kazni. Vy'p. 1–2. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tovarishhestva Pечатnogo dela, 1908. 537 s.
9. *Ostrovityanov K.V.* Dumy' o proshlom (iz istorii pervoj rossijskoj revolyucii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skix boev protiv kontrrevolyucii v Moskve). M.: Nauka, 1967. 315 s.
10. *Polyakov A.* Zapiski zhandarmskogo oficera // *Zhandarmy' Rossii* / sost. V.S. Izmozik. SPb.: Neva; M.: OLMA-PRESS, 2002. S. 482–542.
11. Poslednie slova kaznenny'x [A.A. Kvyatkovskogo, A.I. Zhelyabova, I.I. Kibal'chicha, S.L. Perovskoj, N.E. Suxanova, N.N. My'shkina, A.I. Ul'yanova, N.L. Zotova, A.L. Gausmana, L.M. Kogan-Bernshtejna, S.V. Balmashova, I.P. Kalyaeva]. SPb.: Sovremennik, 1906. 80 s.
12. *Revolucionnoe narodnichestvo 70-x godov XIX v.* T. 2: 1876–1882 gg. M.; L., 1965. 471 s.
13. Rech' (SPb.). 1906. 31 marta (13 aprelya).
14. Soldatskaya gazeta. 1906. № 2.
15. *Spiridovich A.I.* Zapiski zhandarma. Har'kov: Proletarij, 1928. 205 s.
16. *Spiridovich A.I.* Partiya socialistov-revolucionerov i ee predshestvenniki. 1886–1916. 2-e izd. Pg.: Voen. tipografiya, 1918. 626 s.

17. *Ty'rkov A.V.* К событиям 1 марта 1881 г. // «Narodnaya volya» i «Cherny'j peredel»: Vospominaniya uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya v Peterburge v 1879–1882 gg. / sost. V.N. Ginev, A.N. Camutali. L.: Lenizdat, 1989. 415 s.
18. 1905 god na Poltavshhine. Poltava, 1925. 125 s.
19. *Fedorov M.V.* E'serovskaya pechat' 1900–1928 gg.: uchebnoe posobie. SPb.: SPb. gos. un-t, 2005. 104 s.
20. *Fedorczov V.A.* Negosudarstvenny'j terrorism kak forma politicheskoy bor'by': avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2007. 22 s.
21. *B.* Terrorism — vzglyad iznutri. M.: Ul'tra. Kul'tura, 2003. 264 s.
22. *Chulok I.S.* Ocherki istorii batumskoj kommunisticheskoy organizacii (1890–1921 gg.). Batumi, 1970. 224 s.

*V.A. Isakov,
O.N. Kvasov*

Revolutionary PR of Terrorist Struggle in Russia

This article focuses on PR-policy of the revolutionary parties of Tsarist Russia at the turn of XIX–XX centuries, in the sphere of terrorist struggle, especially during the revolution of 1905–1907. On the basis of considerable factual material the authors considered various variants of revolutionaries' actions, depending on the specific circumstances. The extent of the real impact of PR — actions on public opinion are revealed.

Keywords: terrorist attack; information support; political assassination; propaganda purposes; the revolution; the SRs.